

Содержание

Вопреки статистике.....	5
Руки грешников.....	33
Третий радующийся.....	53
Пепел и Крест.....	91
Рабам земли напомнить о Христе.....	111
О священномученике Парфении (Брянских) и мученице Антонине Брянских.....	113
Испытание чудом.....	129
Повесть о семи святых отроках Ефесских.....	131
Плоды покаяния.....	171
Загадочный знак.....	189

Сказание об Аврамии и Марии	209
Глава 1. Между долгом и любовью.....	211
Глава 2. Побег	225
Глава 3. Поединок.....	238
Глава 4. Труды и плоды.....	246
Глава 5. «Мария же благую часть избра...»	258
Глава 6. Друзья и ближние.....	265
Глава 7. Суд людской и суд Господень	276
Глава 8. Сошествие во ад.....	291
Эпилог.....	307
Главные темы этой книги.....	312
Список иллюстраций.....	314

Вопреки статистике

Молодой хирург Сергей Окулов завершал свое ночное дежурство. Надо сказать, что оно выдалось на редкость спокойным: всего четыре вызова в приемный покой и одна срочная операция, да и то несложная — по поводу катарального аппендицита. И это — в больнице «Скорой помощи»! Пожалуй, верь Сергей Окулов в чудеса, он счел бы это затишье одним из тех чудес, которые случаются накануне новогодних праздников. Ведь до Нового года остается всего два дня, точнее, теперь уже один день... Но разве врачу пристало верить в чудеса? В таком случае, остается лишь предположить, что до утренней пятиминутки не произойдет ничего чрезвычайного, а потому можно еще немного вздремнуть...

И тут...

Судя по тому, что звонил не городской, а местный телефон, в приемный покой привезли больного. И ведь под самый конец дежурства! Вот незадача!

— Сергей Юрьевич, спуститесь, пожалуйста, к нам, — резкий голос медсестры приемного отделения окончательно прогнал его дремоту. — Срочно.

— Сейчас иду, — произнес Сергей Окулов. А про себя подумал:

«Вот ведь угодзило! И что там случилось? Нельзя, что ли, было подождать пару часов, когда откроются поликлиники? Ни раньше ни позже!»

На кушетке в хирургической смотровой сидела старушка в темно-серой куртке и сером пуховом платке. А рядом на полу сиротливо стояли ее войлочные бурки. Взглянув на босые ноги больной, хирург понял: это, как говорится, не поликлинический случай. Гангрена левой стопы с переходом на голень. Вовремя же ее привезли! Ведь если в ближайшие часы ампутировать больную ногу, жизнь больной можно спасти. Хотя это и сопряжено с риском — она уже стара. Кстати, сколько ей лет?

— Это мне только по паспорту девяносто пять годов, — пояснила старушка, увидев, как врач, пробежав глазами первую страницу ее истории болезни: «Анисимова Мария Ивановна, 1928 года рождения...», потянулся рукой к лежащему тут же паспорту, словно не веря в возможность подобного, после чего удивленно воззрился на нее. — А на самом-то деле мне сейгод¹ всего лишь девяносто первый пошел...

Вот как?! Хотя разве это имеет значение? Больной уже за девяносто. Целесообразно ли делать ей столь серьезную и травматичную операцию, как ампутация конечности? Ведь больная может просто-напросто не пережить ее. Или умереть от послеоперационных осложнений. В таком случае, сто-

¹ Сейгод — в этом году (северный диалект).

ит ли причинять лишние страдания заведомо обреченной пациентке?

Размышления хирурга прервал голос старушки:

— Доктор, скажите, ведь я поправлюсь? Мне к весне обязательно надо поправиться...

— А почему именно к весне? — спросил врач, в душе смеясь над наивностью больной. В самом деле — ведь она одной ногой уже стоит в могиле! А надеется выздороветь!

— Да как же? — похоже, старушка была удивлена, что человек в белом халате, по возрасту годящийся ей во внуки, не понимает столь очевидной вещи, как ее желание поправиться. — Я же тогда за город поеду. У меня там домик, огород: целых шесть соток. Вот в земельке-то покопаюсь! Стосковалась по ней — я же деревенская... Картошку посажу, овощь всякую, клубнику. Потом мне туда правнуков привезут: нянчиться. Внукам-то некогда — они работают. А дочка болеет. А я что? Мне они не в тягость — в радость. Так что мне к весне непременно надо выздороветь!

«Откуда в ней такая жажда жизни? — подумал хирург, глядя на руки старухи, покрытые голубой сеткой набухших вен, с суставами, изуродованными артритом. — Что хорошего она видела на своем веку? Только труд, тяжелый и неблагодарный труд. Разве это — жизнь? Тогда почему она так любит жизнь? Что дает ей силы жить?»

— Скажите, Марья Ивановна, а вы счастливы? — поинтересовался он.

— Да как же не счастлива-то? — отозвалась старушка. — Так счастлива, как дай Бог каждому. Вот вы, доктор, поди, мне не верите, а я правду говорю... Ведь и то счастье, что я на свете живу: все мои братья и сестры умерли во младенчестве, одна я выжила. Не иначе как это бабушка меня у Бога вымолила. Бабушка моя набожная была, молитвенная. Бывало, все меня учила: «Помни, внученька, это мы Бога забываем и от Него отступаемся. А Он-то нас никогда не забывает и не оставляет». Мы с ней в нашу церковь часто ходили — в Вожеге у нас красивая церковь была, каменная. Там батюшка служил; не помню, как его звали. Может, потом вспомню... Старенький такой, весь седой. Прямо как святитель Николай с той иконы, что у нас дома висела. Я по малолетству думала, что на ней наш батюшка нарисован... больно уж они были похожи. Вот какая я тогда глупая была!

А потом (мне тогда лет шесть было) родителей моих раскулачили и увезли куда-то. Так и не знаю, где они сгинули. А нас с бабушкой оставили, сказали: сами, мол, помрут. Только из дома выгнали... И пошли мы с ней по соседним деревням: что нам подадут Христа ради — тем и жили. Год так прожили. А там на Крещение морозы ударили, да такие сильные, что бабушка застудилась и слегла, а вскоре померла. Ан свет не без добрых людей: был у нас в деревне фельдшер, Матвей Семенович. Он меня к своим детям в няньки взял. Да я у них и всю

*Мне к весне обязательно надо поправиться. Я тогда за город поеду.
Картошку посажу, клубнику. Потом мне туда правнуков привезут
нянчиться*

другую работу по дому делала: жена-то Матвея Семеновича здоровьем слабенька была... А жила при больнице, в кладовке рядом с кухней. Когда же подросла, Матвей Семенович меня учить стал: как за больными ходить, да как анализы брать, да как рецепты читать. Как же я рада была учиться! Да однажды ночью приехали из Вологды, забрали Матвея Семеновича и увезли. После того у нас больницы и не стало... Куда податься, чем жить? Но и тут Бог меня не оставил: прослышала я, что в Вологде на железную дорогу рабочие нужны, и пошла туда...

— Пешком? — удивился Сергей Окулов. Конечно, он со школьных лет помнил историю о том, как некогда северянин Михаил Ломоносов, стремясь к знаниям, пешком отправился из Холмогор в Москву. Но одно дело — девятнадцатилетний крестьянский парень, идущий в столицу с рыбным обозом. И совсем другое — девчонка лет одиннадцати, в одиночку бредущая из деревни в город!

— А как же? — удивилась старушка. — Конечно, пешком. Помог Господь дойти. Прихожу в Вологду, в дистанцию, к тамошнему начальнику. А он, как увидел меня, расхохотался: «Ступай-ка ты, девка, домой, к тятке с мамкой! Тебе еще в куклы играть, а не на железной дороге работать!»

Хорошо ему смеяться — да мне-то куда деваться?! Вышла я на крыльцо, села и реву. Вдруг идет какой-то человек, в годах уже. Увидел меня и спрашивает:

— Что ты, девка, скулишь? Шла бы домой уже. Вишь, на дворе-то темнеет...

— Так, — говорю, — идти-то некуда. — А он в ответ:

— Как это некуда? Откуда ты?

— С Вожеги, дяденька...

— Что, и переночевать негде?

— Негде, дяденька.

— Ну что с тобой делать? Пойдем со мной, авось женка пустит...

И привел он меня в барак: у него там две комнаты были и кухня. Накормили они меня да тут же, на печке в кухне, и спать уложили. А наутро этот человек мне говорит:

— Вот что, девка. Коли некуда тебе податься, могу тебя помощницей стрелочника определить. Хотя мала ты для такого дела, ох, мала. Годков-то тебе сколько?

— Четырнадцатый пошел... (это я приврала малость: в ту пору мне и двенадцати не было...)

— Так вот, как пойдем мы с тобой в кадры, ты там говори, что тебе месяц назад шестнадцать исполнилось. А если спросят, отчего такая тощая — скажи, что кормили плохо. А родители-то твои где?

— Раскулачили их...

— Э-э-э, так не годится. Тут надо с умом... Скажешь: отец в гражданскую погиб, а мать при родах умерла. Поняла?

— Да, батюшка.

— Какой я тебе батюшка?! Эх, девка, девка! Ну, пойдём оформляться.

Оформили меня без лишних вопросов. Как-никак, сам путевой мастер меня в кадры привел и словечко за меня замолвил! Я за него всегда молюсь: добрый был человек, сочувственный. А тогда с первой же получки пошла в церковь (вы, доктор, поди, и сами ту церковь видали, если проезжали Вологду — у самой станции она стоит) и записочку подала об упокоении родителей и бабушки. Да о здравии того путевого мастера. Послал же мне Господь доброго человека!

С тех пор зажила я в Вологде, в общежитии. Комната у нас была большая — на двенадцать человек, а соседки все старше меня: кто на десять лет, а кто и больше. И получку мне платили. Чем не житье? Только как-то зимой, под самый Николин день, приключилась со мной беда. Дежурила я ночью на переезде. За окном темно, метель метет. А стрелочник все не идет: видно, опять в гостях задержался. Да что за беда — без него управляюсь. Не впервой...

Вдруг зазвонил телефон. Сняла я трубку и слышу: — Через пятнадцать минут через ваш пост пройдет литерный. Отметьте в журнале и пропустите.

Беру сигнальный фонарь, выхожу на улицу. А там ни зги не видно. Иду ощупью. И вдруг оступилась да как покачусь — и в сугроб! Едва выбра-

лась. Слава Богу — фонарь не погас, а то бы беда была! Стала закрывать шлагбаум, и тут слышу сзади грохот, аж земля трясется! Гляжу: мчится на меня что-то черное, большое, с огненными глазами. И как швырнет меня оземь!

— И что же это было? — спросил врач.

— Полуторка с дровами, — спокойно пояснила Марья Ивановна. — Водитель пьяный был, вот меня и не заметил... Да и где ему было заметить: в такую-то метель! Да мужик-то совестный оказался: втащил меня в кабину и отвез в больницу. Только я этого ничего не помню. Помню только батюшку.

— Какого батюшку? — Сергей Окулов не верил своим ушам. Возможно ли, чтобы в те времена в больницу допустили священника? Да и откуда ему было взяться: их же тогда всех арестовывали! Он сам читал об этом... Уж не заговаривается ли Мария Ивановна? Что ж, в ее годы такое вполне возможно...

— Не помню, как его зовут... — задумчиво промолвила старушка. — Может, и вспомню когда... Старенький такой батюшка, на святителя Николая похож. Я его сразу узнала — он же у нас в Вожеге служил! Причастил он меня — я и очнулась. А до того, говорят, три дня без памяти лежала. Ведь я тогда очень много крови потеряла. Да еще и голову мне расшибло, и внутри все стрясло. Так что они уже не надеялись, что я выживу. А я вон до каких годов дожила. Слава Богу!

А как встала я на ноги, принялась за больными ходить. Что ж мне без работы-то валяться, даром хлеб есть? Опять же, за больными ухаживать я с детства приучена — отчего бы и не помочь? И тут вызывает меня к себе главный врач и говорит:

— А не остаться ли тебе, Маша, у нас в больнице? Я тут в кадрах справки навел: говорят, можно тебя к нам перевести. Ты ведь на железной дороге работаешь, а больница у нас как раз железнодорожная. Будешь делать все то, что и сейчас, а зарплата повыше будет, чем ты раньше получала. Поселим тебя при больнице, в ту комнату, где Аня-санитарка живет. А подрастешь, пошлем тебя в медсестринское училище. Образование получишь. Ну как, согласна?

Да как же мне было не согласиться? А вы, доктор, спрашиваете, счастлива ли я? Да есть ли кто на свете меня счастливей! Вон сколько хороших людей мне Господь посылал!

Из-за горизонта в небо медленно выплывал пурпурный шар восходящего солнца, окрашивая заснеженные деревья и дома в розовый цвет надежды. Морозное зимнее утро сменяло ночь, чтобы, в свою очередь, уступить место дню — предпоследнему дню уходящего года. Однако для хирурга Сергея Окулова время словно остановилось. Затаив ды-

хание, он слушал сидевшую перед ним престарелую женщину, чья жизнь была столь же трудной, сколь и долгой. И, несмотря на это, она считала себя счастливой. Но почему? Почему?

Тем временем Мария Ивановна продолжала свой рассказ:

— Вот я и осталась работать в больнице. И проработала там два года — пока мне восемнадцать не стукнуло. Тут засела я за книжки: собиралась в ветеринарный техникум поступать. Да вот не вышло...

— А почему не вышло? — полюбопытствовал Сергей Окулов.

— Так война началась, — спокойно пояснила старушка. — И к нам с Карельского фронта эшелоны с ранеными пошли. А медсестер и санитарок не хватало. Тут меня и мобилизовали в железнодорожный эвакуопункт. Работала я там по двенадцать часов: обмывала, обстирывала, перекладывала, перевязывала — давал Бог сил! Да это еще что! Бывало, иду к себе, а за плечами мешок с гнойными бинтами несу. За ночь перестираю их дочиста, высушу у печки, а поутру смотаю в катушки (для этого такая машинка специальная была) и отнесу в прожарку. Мне за это в конце войны даже награду дали: медаль за доблестный труд. А еще значок «Ударнику сталинского призыва». Вот ведь как!

А когда война уже к концу подошла, отправили меня из Вологды под Михайловск, в Исакогорку.